

УДК 303.022: 81'42

Екатерина Ивановна Ядченко

соискатель каф. речеведения и теории коммуникации
Минского государственного лингвистического университета

Yekaterina Yadchenko

Post-Graduate Student of the Department of Speech and Communication Theory
of Minsk State Linguistic University

e-mail: jadtschenko@mail.ru

ДИСКУРСИВНЫЙ КОНСТРУКТ «ГИБРИДНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ МИГРАНТОВ» КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Статья выполнена в рамках лингвистического дискурс-анализа. Рассматривается дискурс мигрантов как продукт коммуникативно-дискурсивной природы, вплетенный в социальный контекст. Под мигрантами понимаются индивиды, физически проживающие и формирующие свою идентичность на стыке нескольких культур, т. е. в дискурсивном пространстве потенциальной гибридности. Объектом исследования выступает «гибридная идентичность мигрантов», которая реконструируется из дискурса мигрантов как дискурсивный конструкт, имеющий иерархическую структуру. Автор реконструирует гибридную идентичность мигрантов лингвистическими методами посредством анализа и описания дискурса мигрантов и целого ряда социальных контекстов, в которых формируется дискурс мигрантов. Статья демонстрирует потенциал лингвистической методологии для социальных наук и предлагает интегративный взгляд на исследуемый объект.

Discursive Construct «Hybrid Identity of Migrants» as an Object of Linguistic Research

The paper was written in the linguistics discourse analysis. The author considers discourse of migrants as a product of a communicatively discursive nature, woven into a social context. Migrants are understood as individuals physically living and forming their identity at the junction of several cultures, that is, in the discursive space of potential hybridity. The object of the research in this article is the “hybrid identity of migrants”, which is reconstructed by the author from the discourse of migrants as a discursive construct with a hierarchical structure. The author reconstructs the hybrid identity of migrants using linguistic methods by analyzing and describing the discourse of migrants and a number of social contexts in which migrant discourse is formed. The article demonstrates the potential of linguistic methodology for the social sciences and provides an integrative view of the object under study.

Введение

Понятие национально-культурной идентичности мигрантов уже несколько десятилетий является незыблемым объектом исследования как в отечественной, так и в зарубежной гуманитарной науке. Изучением национально-культурной идентичности занимаются философия, социология, психология, педагогика. В последние годы проблемы, вызванные глобальными миграционными процессами, интересуют и лингвистику. Это связано прежде всего со смещением фокуса исследования лингвистической науки с языка как системы на индивидуальную речь и формированием дискурсивной парадигмы знания. При этом в фокус внимания исследователя дискурс попадает в единстве

трех его составляющих: 1) уровень действительности; 2) концептуальный уровень, или категоризация действительности в дискурсе; 3) языковая репрезентация [1]. Если второй и третий уровни широко изучаются в рамках современной лингвистики, то уровень социальной действительности традиционно являлся объектом социологии, философии, а в случае мигрантов – и культурологии. Поэтому для изучения дискурса мигрантов нам необходимо привлечение социальных теорий, которые позволили бы найти ответы на следующие вопросы: 1) Какова взаимосвязь дискурсивной картины мира индивида [1, с. 47] с социокультурным устройством общества? 2) Как изменение жизненного (социокультурного) пространства индивида способствует трансформации этой дискурс-картины мира? 3) Привлечение каких социокультурных контекстов необходимо для максимально полного описания дискурс-картины мира мигрантов?

Научный руководитель – Т. В. Поплавская, доктор филологических наук, профессор кафедры речеведения и теории коммуникации Минского государственного лингвистического университета

Мы понимаем под мигрантами индивидов, физически проживающих и формирующих свою идентичность на стыке нескольких культур. В качестве вспомогательной социальной теории для нашего лингвистического исследования мы предлагаем теорию *Критического дискурс-анализа* (КДА), разработанную в рамках Дуйсбургской школы дискурса (Зигфрид Егер), которая предлагает свое понимание идентичности.

Потенциал Критического дискурс-анализа в изучении гибридной идентичности мигрантов

Идейно-философским основанием Дуйсбургского КДА послужила конструктивистская теория дискурса М. Фуко. Согласно данной теории, социальная реальность не является онтологической категорией, а конституируется обществом в определенном временном отрезке посредством дискурсов, т. е. является продуктом жизнедеятельности человека, общества. Дискурсивная реальность не отражает целиком и полностью предметный мир, а лишь предлагает одно его «прочтение», характерное для определённой эпохи (например, дискурс глобализации, дискурс миграции, дискурс эмансипации) [2–4]. Она создает предпосылки для субъектообразования. Исходя из этого, «любой индивид становится “вплетенным” в дискурсивный контекст, формируется в дискурсе и при помощи дискурса» [1, с. 139].

Дискурс – это явление, которое имеет знаковую природу, а значит, его изучение становится возможным только в том случае, если он получил знаковую реализацию, т. е. вербализован в речи (дискурсии), которая получает свое физическое воплощение в фиксированном тексте (невербализованные элементы дискурса З. Егер определяет как «поле потенциального значения»). Широко известны определения Т. Ван Дейка: «Дискурс – это сложное коммуникативное явление, включающее текст и сознание говорящего и слушающего» и «дискурс есть текст плюс социальный контекст» [5].

Помещая текст в дискурсивное пространство, З. Егер определяет его как *дискурс-фрагмент* [6, с. 39]. В качестве дискурс-фрагмента может выступать не только текст, но и определенная его часть, темати-

чески связанная с тем или иным общественным дискурсом. При этом сам З. Егер указывает на то, что соотношение понятий «текст» и «дискурс-фрагмент» является довольно проблематичным, т. к. практически каждый текст почти никогда не является тематически однородным и включает элементы нескольких дискурсов, развивает уже существующие дискурсы и порождает новые [6, с. 112]. В таком понимании текст никогда не является только индивидуальным продуктом, а всегда “вплетен” в социоисторический контекст и содержит фрагменты надиндивидуальных социо-исторических дискурсов (принцип интертекстуальности). Именно этот принцип позволил в нашем исследовании совершить переход от уровня индивидуальной дискурсии к уровню дискурса мигрантов как коллективного продукта и взглянуть на него как на целостное социально-коммуникативное явление, формирующееся в определенном времени и определенном месте. Фрагменты дискурса мигрантов мы находим в каждом коммуникативно-дискурсивном процессе, в котором мигранты принимают непосредственное участие, т. е. вносят свой коммуникативный вклад в коллективный дискурсивный продукт, формируя тем самым новую оценку и значение, а значит, способствуют трансформации социальной реальности и культуры. Это ток-шоу, телевизионные репортажи, обсуждения в соцсетях, комментарии событий в Интернете, сформированные вокруг темы мигрантов и их идентичности.

Как отмечает З. Егер, индивидов следует рассматривать как субъектов, с одной стороны, влияющих на развитие и трансформацию дискурсов в рамках определенной культуры, а с другой стороны, вовлеченных в культурно обусловленные «дискурсивные сплетения» [6, с. 22]. Иначе любая культура, будучи средой, в которой физически находятся индивиды, предлагает всем ее носителям ограниченный набор характерных для нее дискурсивных содержаний, аргументативно-интерпретативных моделей, детерминирующих действия и поведения индивидов (например, в некоторых арабских обществах женщина не может водить машину). Вследствие этого культура регулирует число возможных значений, функционирующих в определенном обществе. В таком понимании мигрант – это ин-

дивид, совершивший физическое перемещение из одной культуры в другую и находящийся на пересечении различных систем знаний, суждений, ценностей и оценок, для обозначения которых С. Шелик вводит специальный термин «дискурсивное предложение идентичности» [7, с. 38]. Согласно этой немецкой исследовательнице, мигранты «совершают движение от специфического биографического момента в *дискурсивное пространство потенциальной гибридности*» [7, с. 12].

С. Шелик проводит черту между «национальными дискурсами» [7, с. 77] и «немецкими дискурсами» [7, с. 68]. Национальные дискурсы (*дискурсы пространства-донора*) можно определить как набор знаний, ценностей, оценок, полученных индивидом из национально-культурного контекста-донора (до момента миграции либо, в случае мигрантов второго поколения, не напрямую, а опосредованно, через родителей, диаспору и пр.) и детерминирующих его поведение. Под немецкими дискурсами (*дискурсы пространства-реципиента*) понимаются дискурсы современного немецкого общества, конфронтирующие с национальными дискурсами различных культурных сообществ в рамках нового социокультурного пространства и направленные на изменение систем знаний, оценок, ценно-

стей индивида и его поведения (например, ношение хиджаба у мусульманских женщин, проживающих в современной Европе).

Конфронтация разных национальных дискурсов в рамках одного общества происходит не сама по себе, а становится возможной ввиду того, что дискурсы идентичности представляют собой динамическое явление, т. е. постоянно меняющийся продукт коммуникативной деятельности активных субъектов, которые объединены общими коммуникативными целями и условиями, в которых осуществляется производство дискурсов. Одним из компонентов этих условий является наличие общего адресата (для мигрантов – это принимающее общество). В соответствии со спецификой адресата формируются коммуникативные цели и стратегии, определяющие специфику дискурса. Иными словами, дискурс мигрантов является вторичным по отношению к дискурсу миграции (т. е. дискурсу принимающего общества о мигрантах). Он формируется как некий специфический ответ мигрантов принимающему обществу.

Это позволило нам взглянуть на дискурс мигрантов как на коммуникативное явление, получающее свое физическое воплощение в речи при помощи языковых средств. Значит, оно может быть изучено лингвистическими методами.

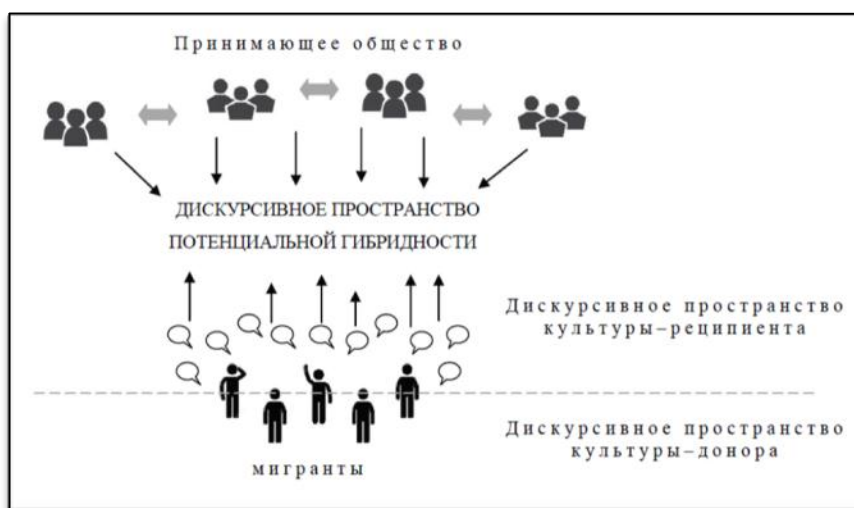

Рисунок. – Условия формирования дискурсивного конструкта «гибридная идентичность мигрантов» (авторская разработка)

Поскольку мигранты «вплетены» в различные социокультурные контексты, они располагают определенным набором дискурсивных предложений идентичности.

Какие-то из этих предложений они принимают, другие отклоняют. Таким образом, специфику гибридной идентичности мигранта можно определить, по сути, степенью

того, насколько он «расшифровал» и принял те значения, оценки, которые функционируют в новом для него обществе, отказавшись при этом от значений, оценок, функционирующих в его национальном дискурсе и определявших его сознание до момента миграции. Задача исследователя – проанализировать и описать позиционирование мигрантов в контексте дискурсов пространства-донора и пространства-реципиента посредством реконструкции значения и оценки.

Таким образом, под *гибридной идентичностью мигрантов* мы понимаем коммуникативно-дискурсивный продукт, который формируется сообществом индивидов, получивших опыт социализации в нескольких социокультурных пространствах. Мы исходим из гипотезы о том, что идентичность любого мигранта априори будет гибридной и может быть описана посредством лингвистической реконструкции содержания дискурса мигрантов с привлечением широкого спектра контекстов [8], в которых формируется данный дискурс.

В качестве материала нашего исследования послужили субдискурсы следующих шести национально-культурных групп мигрантов:

- 1) турецкие мигранты в Германии;
- 2) русские немцы в Германии;
- 3) беженцы-мусульмане в Германии;
- 4) беженцы-мусульмане в Беларуси;
- 5) студенты из мусульманских стран в Беларуси;
- 6) мигранты-мусульмане второго поколения (дети мигрантов).

Вербализованный дискурс мигрантов был изучен нами и описан при помощи лингвистических методов в рамках дискурс-аналитического подхода: метода тематического анализа дискурсии, категоризации содержания (сбор и типологизация единичных языковых фактов), выделения ключевых дискурсивных структур, реконструкции дискурсивных метакатегорий (единиц более сложного порядка), структурирования, моделирования, описания [9].

Исследование проводилось с опорой на методологию обоснованной теории (*Grounded Theory*), предполагающей построение исследователем собственной теории в результате пошагового анализа эмпирических данных [10; 11]. При этом в качестве одной

из важнейших методологических категорий выступает категория теоретической чувствительности исследователя [10, с. 35]. В качестве вспомогательного средства анализа дискурса мигрантов автором была использована компьютерная программа MaxQDA, концептуально разработанная в соответствии с методологическими принципами Обоснованной теории [12].

Описание дискурсивного конструкта «гибридная идентичность мигрантов»

Гибридная идентичность мигрантов представляет собой дискурсивный конструкт, который имеет иерархическую структуру и формируется на трех уровнях вовлечения индивидов в формирование дискурса мигрантов.

Реконструкция и описание дискурсивной метакатегории «Эмоциональное позиционирование»

На уровне эмоциональных ощущений реализуется дискурсивная метакатегория «Эмоциональное позиционирование» – эмоциональное вписывание мигрантами себя как субъектов дискурса в национально-культурное пространство-донор либо национально-культурное пространство-реципиент либо вынесение за его рамки. Данная метакатегория максимально полно реализуется в субдискурсах мигрантов первого поколения, которые получили относительно небольшой опыт проживания в новом социокультурном пространстве и представлена дискурсивными структурами «*мне здесь хорошо*», «*мне здесь плохо*». Языковыми средствами реализации данной метакатегории выступают эмоционально-оценочная лексика, лексико-грамматические категории «Неопределенность», «Пассивность», «Атрибутивность», дискурсивно-стилистические средства, метафоры, сравнительные обороты (при использовании родного языка) и пр.

Рассмотрим специфику реализации дискурс-категории «Эмоциональное позиционирование» на примерах. При этом сразу отметим, что иллюстрация примеров осуществляется выборочно, не отражает целиком и полностью всех результатов исследования и выполняет исключительно задачу репрезентации механизма вербализации дискурсивного конструкта «гибридная идентичность мигрантов».

Пример эмоционального позиционирования, реализованного в субдискурсе русских немцев в Германии. Описывая свою жизнь в России до миграции в Германию, респонденты широко используют эмоционально-оценочную лексику: 'безутешный' (*Das Leben in Russland war trostlos*), 'ужасный' (*вообще было ужасно*), 'страшное состояние' (*Мы вывозили детей просто вот из страшного этого состояния, когда на работе платят мало, а то и не платят*). Жизнь в России сопряжена с неопределенностью и реализуется на языковом уровне посредством неопределенных местоимений 'что-то', 'как-то', 'какой-то' (*Чем он (племянник) там занимается? Смафией как-то он связан или чем-то еще... что-то с бензином, с нефтью... Что-то у него там есть, и он какой-то человек с деньгами*). Негативная оценка жизни до миграции усиливается в данном контексте посредством лексического компонента 'мафия'. В таком контексте мы понимаем, что именно тяжелая жизнь в России в 1990-е гг. стала причиной миграции.

Позитивная оценка, сопряженная с национально-культурным пространством-донором, реализуется посредством позитивной эмоционально-оценочной лексики 'чувствовать себя хорошо', 'как дома' (*In Russland fühle ich mich sehr heim und sehr wohl*), 'Nostalgie' (*So etwas gewöhnt man sich nicht einfach so ab. Die Nostalgie ist es, die diese Menschen leitet*). Теплые воспоминания о прошлой жизни вербализуются в дискурсе также при помощи лексики с уменьшительно-ласкательным значением 'кустарничек', 'картишки' (*На озере был кустарничек, где они засели и в картишки играют*).

Вместе с тем негативная оценка спроецирована в субдискурсе русских мигрантов и на новое социокультурное пространство. Так, сложности адаптации в новых социокультурных условиях после переезда вербализуются посредством лексических компонентов 'не так просто' (*Natürlich war es nicht so einfach*), 'напряжённые годы' (*Es waren sehr interessante Jahre, aber auch sehr anstrengende Jahre*), 'испытывать трудности на протяжении многих лет' (*Viele von den Russlanddeutschen tun sich schwer mit der neuen Heimat, das über Jahre, Jahrzehnte*). Жизнь на новой родине сопряжена с 'чувством одиночества', прежде всего у пожилых

людей (*Senioren, weil sie sich bisschen einsam fühlten*). Вместе с тем, и подростки 'не справлялись' с требованиями нового общества (*Viele Jugendliche im Aufnahmelager kamen mit der neuen Freiheit im Westen nicht klar*). Сложная ситуация в обществе, связанная с положением безработных, вербализуется при помощи лексических компонентов 'чувствовать себя ненужным' (*Man fühlt sich dann nicht gebraucht*), 'отсутствие желания что-то делать по дому' (*Man hat sogar keine Lust, zu Hause etwas zu machen*). Состояние фрустрации и отчаяния эксплицируется посредством лексико-грамматической категории «Бездеятельность», которая формируется рядом глаголом активной семантики и отрицания 'не': 'не следить за собой', 'не мыть лицо', 'не расчесываться' (*passt man sich nicht mehr auf sich auf, wäscht man sich morgens nicht mehr das Gesicht, kämmt sich nicht mehr*), а также глаголом пассивной семантики, например, 'лежать' (*Man möchte dann einfach nur liegen*).

Негативная оценочность, спроецированная на новое социокультурное пространство, сопряжена в субдискурсе русских мигрантов с ощущениями непринятия, отверженности себя в новом обществе. Данное значение эксплицируется при помощи компонентов 'нежеланный' (*auf einmal war es nicht so willkommen*), 'не (совсем) признанный' (*wir sind nicht ganz akzeptiert worden*), 'не чувствовать себя как дома' (*viele Zuwanderer hier bei uns auch nach Jahren nicht zu Hause*). Жизнь в Германии эксплицируется метафорически как 'золотая клетка' (*Sie brachten mich nach Deutschland und setzten mich in den goldenen Käfig*). При этом аргументативные структуры такого неприятия стереотипично выстраиваются в субдискурсе русских мигрантов вокруг таких компонентов значения, как «для немцев мы русские» и «русские – враги немцев со времен войны» (*ich war der Russe, der Feind so zu sagen*). Эмоциональное вынесение себя за рамки немецкого социокультурного пространства реализуется при помощи конъюнктивных структур: 'мы бы вернулись назад' (*Die Hälfte von ihnen würde sofort zurückkehren*).

Позитивная оценочность, спроецированная на новое социокультурное пространство, сопряжена с такими компонентами значения, как 'воссоединение с историче-

ской родиной' (*Wir wollten als Deutsche unter Deutschen leben*). Данное значение эксплицируется при помощи дискурсивных структур 'Германия как мой дом' (*Auch in Deutschland gibt es Momente, dass es mir bewusst wird, dass hier mein Zuhause ist.*).

Представление о Германии как о пространстве физического проживания формируется посредством лексико-грамматической категории «Жизнедеятельность». Данную категорию формируют глаголы, сопряженные с временными отрезками личной жизни: 'прожить несколько лет' (*hab mein Leben mehr jetzt da (in Deutschland) gelebt als hier*), 'родить детей, внуков' (*und hab meine Kinder da bekommen, jetzt das Enkelkind*); глаголы с семантикой профессиональной деятельности 'играть в оркестре', 'выступать', а также лексико-семантическое поле «Профессиональная деятельность»: например, 'оркестр', 'концерт', 'сцена', 'филармония', 'репетиция'. Положительная оценка, спроецированная на данную дискурс-категорию, эксплицируется как ощущение радости от возможности работать и тем самым быть полноправным членом общества и вербализуется при помощи компонентов 'мне крупно повезло', 'благодаря оркестру', 'мне хорошо', 'это здорово', 'слава Богу' (*Благодаря этому оркестру я объездил весь мир*).

Положительная оценочность нового социокультурного пространства сопряжена в субдискурсе русских мигрантов с таким явлением, как помощь со стороны немецкого общества в процессе интеграции. На вербальном уровне это представлено такими компонентами, как 'ощутить поддержку' (*Ich habe eine große Unterstützung erlebt von meinen 18jährigen Mitschülerinnen*), 'мне помогли' (*sie haben mir immer geholfen*), 'нас везде вежливо принимали' (*überall sind wir höflich aufgenommen worden, es wurde viel erklärt, es wurde viel geholfen*), 'дружелюбный', 'приятный' (*Alle waren immer freundlich und nett*).

Реконструкция и описание дискурсивной метакатегории «Стратегическое позиционирование»

На уровне сознательного выбора реализуется дискурсивная метакатегория «Стратегическое позиционирование», т. е. принятие либо отвержение мигрантами дискур-

сивных предложений идентичности национально-культурного пространства-донора либо национально-культурного пространства-реципиента как ценностных структур, детерминирующих их сознание. Данная метакатегория более полно реализуется в субдискурсах мигрантов, получивших некоторый опыт социализации в новом социокультурном пространстве (овладели языком, получили опыт работы и коммуникации в принимающем обществе). Таким образом, выбирая для себя то или иное предложение идентичности как приемлемое, мигрант тем самым стратегически вписывает себя в более комфортные условия жизни. Например, «Я ношу хиджаб, потому что так меня принимает мое окружение (семья, национальная диаспора)» либо «Я не ношу хиджаб, потому что так меня принимает мое профессиональное сообщество». Данная метакатегория представлена дискурсивными структурами «я выбираю», «я принимаю», «я отвергаю», «мне (не)приемлемо». Языковыми средствами реализации данной метакатегории выступают лексико-грамматические категории «Деятельность», «Оценочность», модальность желания, глаголы с семантикой «Выбор», аргументативные структуры, лексико-семантические поля «Образование», «Материальное положение», эмоционально-оценочная лексика и пр.

Пример стратегического позиционирования, реализованного в субдискурсе беженцев-мусульман, проживающих в Беларуси. Стратегическое позиционирование себя в белорусский национально-культурный контекст реализуется на основании признака «желание общаться», что вербализуется посредством глагола 'стараться', 'хотеть' (*Афганцы как приезжают, они все стараются изучать язык*). Аргументом такого выбора выступает факт наличия в Беларуси множества красивых девушек (*Здесь очень много красивых девушек. Молодые, которые приезжают, они хотят с ними общаться*). Другим аргументом выступает наличие совместных интересов и увлечений с белорусами, например, охота, спорт (*У меня много друзей охотников, я охотник. У меня друзья по спорту, по бане*). В данном контексте реализуется также ЛГК «Оценочность», которая эксплицируется посредством ряда положительных характеристик, сопряженных с качествами бело-

русского народа (*Я думаю, что белорусский народ очень гуманный и доброжелательный, своеобразный*).

Стратегическое позиционирование себя в белорусский национально-культурный контекст на основании признака «дружеские отношения» вербализуется посредством глаголов активной семантики ‘звонить (белорусскому) другу’, ‘приглашать’, ‘забирать из дому’, ‘угощать’ (*У нас когда праздник на природе – половина из Беларуси. Я лично никогда не пью водку, но ради них я ящик покупаю, потому что друзья*). При этом жизнь в новом обществе реализуется в дискурсе как абсолютная цель, а знание языка – как несомненное средство для реализации данной цели (*Если он живет в этом обществе, он вынужден будет общаться, чтобы знать язык*).

Стратегическое вынесение за рамки своего национально-культурного сообщества на основании признака «Образованность». Так, в круг своих включают людей с образованием, таковыми выступают по большей части белорусы. А людей без образования выносят за рамки своего круга. При этом свои соотечественники определяются как ‘неграмотные’, ‘некультурные’ (Многие – бывшие крестьяне, неграмотные, некультурные). А отношение к ним эксплицируется эмоционально-оценочно (*Посудите сами, о чем нам с ними разговаривать?*). Другой признак, на основании которого осуществляется стратегическое позиционирование за рамками своего национально-культурного сообщества, – «Национально-культурное поведение». Так, нанимание на работу белорусских граждан в ущерб своим согражданам (афганцам) мигрант осуществляет на основании критерия ‘не умеют хорошо разговаривать’, ‘не умеют так вести себя, как белорусы’ (об афганцах). А стратегическое позиционирование в белорусский национальный контекст осуществляется на основании критерия «материальная выгода» (*Мне выгодно нанимать белорусских граждан*).

Стратегическое позиционирование внутри национально-культурного пространства-донора осуществляется на основании таких признаков, как национальная культура, традиции, обычаи. Именно этот признак выступает объединяющим для всех афганцев, проживающих в миграции (*У меня во-*

обще родственников особенно много, так что я в любой стране родственников имею). Сам факт миграции выступает для национальной афганской общины объединяющим фактором ‘своих’ среди ‘чужих’, а стратегическое позиционирование в рамках национально-культурного пространства-донора эксплицируется посредством таких лексических компонентов, как ‘поддерживать’, ‘помогать’, ‘постоять за товарища’ (*Мы же тут чужие, мы тут иногда не все понимаем, и нужно прежде всего поддерживать друг друга, стоять за товарища, помогать ему во всем*).

Стратегическое позиционирование внутри национально-культурного пространства-донора сопряжено с такими ценностями, как «Отношение к браку» и «Воспитание детей». Так, на белорусское национально-культурное пространство спроецированы такие характеристики, как свобода женщины в выборе партнера, свободные отношения до брака. Национально-культурное пространство-донор сопряжено с такими характеристиками, как целомудрие женщины, сдержанное поведение. Вынесение себя за рамки белорусского национально-культурного пространства эксплицируется посредством таких лексических компонентов, как ‘исключено’ (*чтобы девушка обнаженная ходила, целовалась, гуляла с несколькими и потом вышла замуж за одного – это вообще исключено*), ‘недопустимо’, ‘неправильно’ (*У вас бывает дети уже целуются. У нас так не будут, как ваши, гулять, это у нас недопустимо. Это неправильно*), ‘несерьезно’, ‘развлечение’ (*Здесь я вижу, что по-граждански живут. Просто себе развлечения придумали, здесь несерьезно*). При этом дискурсивное позиционирование в рамках национального контекста зачастую объясняется религиозными причинами (*Объяснила своей дочери, что нельзя по Корану, счастливой не будет*).

Реконструкция и описание дискурсивной метакатегории «Самоидентификация»

На уровне рефлексии над своей идентичностью реализуется дискурсивная метакатегория «Самоидентификация», т. е. приписывание себе устоявшихся стереотипных национально-культурных качеств, характеристик. Таким образом осуществляется при-

вязка індывідом сябя лібо к нацыянальна-культурнаму прастранству-донору, лібо к нацыянальна-культурнаму прастранству-рэцыпіенту. Данная метакатэгорія максімальна рэалізуецца ў субдыскурсах мігрантаў другога і трэцяга пакалення, т. е., дзяцей мігрантаў, якія не мелі вопыта фізічнага пражывання ў прастранстве-доноры, а пропанення ідэнтычнасці ад свайой нацыянальнай культуры яны палучылі ў рамках выхавання ў сям'е. Выпісваю сябя ў той ці іной нацыянальна-культурны кантэкст на даным узроўні, індывід ажыццяўляе рэфлексію таго, якую ролю ў яго міропаліманні, а разам з тым ў повсядзённым паводзенні, іграе той ці іной культурны істочнік (зачастую выбраны яго радаіцелямі). Данная метакатэгорія прадставлена дыскурсіўнымі структурамі «*Кто я?*», «*Кто мы?*», «*Почему они – не мы?*», «*Что значит быть настоящим афганцем/немцем/русским*» і пр. Языковымі сродствамі рэалізацыі даннай метакатэгорыі выступают лексіко-грамматычныя катэгорыі «Я-местоименность», «Мы-местоименность», «Они-местоименность», лексіко-семантычнае поле «нацыянальна-культурныя якасці», лексіко-грамматычная катэгорыя «Атрыбутыўнасць», абразныя і метафарычныя сродства і пр.

Пример самоидентификации, реализованной в субдискурсе турецких мигрантов второго поколения, проживающих в Германии. На узроўні рэфлексіі над свайой ідэнтычнасцю ў дыскурсе турецкіх мігрантаў другога пакалення рэалізуецца нямецкая ідэнтычнасць, турецкая ідэнтычнасць і гібрыдная ідэнтычнасць. Нямецкая ідэнтычнасць сопряжена са стэраетыпнымі прафесіянальнымі якасцямі нямеццаў – арганізаваннасцю, пунктуальнасцю. Пріпісыванне сябе даных якасцяў ажыццяўляецца пасредствам кампаратывнай формы прылагатальнага ‘нямецкі’ (*Ich bin manchmal deutscher als die Deutschen selbst und manchmal schwäbischer als viele Schwaben*).

Турецкая нацыянальна-культурная ідэнтычнасць сопряжена ў турецкіх мігрантаў другога пакалення з чутствамі, эмоцыямі і лакалізавана ў абласці сэрца – ‘чустваваць сябя туркам’ (*Im Herzen fühle ich mich mehr türkisch*). Турецкая ідэнтычнасць экспліцыруецца ў дыскурсе як канстантная біялагічная характарыстыка, пе-

реданная радаіцелямі, якую немагчыма ‘отрицать’ (*Ich bin Türkin, ich kann das nicht verleugnen, meine Mutter ist Türkisch, mein Vater ist Türkisch*). Турецкая ідэнтычнасць экспліцыруецца метафарычна ў абразе лошады, якая ‘останецца лошадыю, дажы калі перейдет ў стойла к каровам’ (*wenn ein Pferd zu einem Kuhstall zur Weil kommt, dann ist er trotzdem ein Pferd*).

Вразам з тым бале шырокую рэалізацыю ў дыскурсе палучае гібрыдная ідэнтычнасць турецкіх мігрантаў другога пакалення, якая праяўляецца ў адначасовым пазіцыянаванні сябя абодвух дыскурсіўных прастранствах як неабходных для жыцця (*Ich bekenne mich zu Deutschland, aber auch zur Türkei*). Пры гэтым турецкая ідэнтычнасць экспліцыруецца як неаўтаматная, данная па рожджэнні, а нямецкая сопряжена з сацыялізацыяй ў нямецкім абащстве как яго гражданаіна, внасшего свай вклад ў развіццё эканамікі станы (*Auch wenn ich Türke bin, bin ich Teil dieser Gesellschaft // Ich bin ein Türke, der hier in Deutschland lebt*). Сінкретычная ідэнтычнасць не всегда рэалізуецца как паложыцельнае явленье, но тажык выстуаает прычынай псіхалагічнага дыскамфорта, экспліцыруецца как неабходнасць ‘сідеть на двух стульях’ (*Zwischen den Stühlen bin ich schon mein ganzes Leben*).

Однако, пожалуй, найбільшы інтэрес ў кантэксте міжкультурных ісследаваній постмодэрна прадставляе дыскурсіўны канструкт «трансфармацыя ідэнтычнасці турецкіх мігрантаў». Данны канструкт тажык рэалізуецца пры дапамоці нескількіх дыскурсіўных структур. Так, структура «фарміраванне самасвядання ў жанцін» сопряжена з самоўтвэрджэннем ў прафесіянальным міре на рукаводзячых пазіцыях, фарміраваннем прафесіянальных амбіцый (*Wir sind mehr als nur Migrationskinder oder Gastarbeiterkinder*), нежаляніем тэрапеть дыскрымінацыю.

Заклученне

Такім абразом, дыскурсіўная картина міра індывіда напярэмую звязана з тым сацыякультурным устроўствам абащства, ў котаром он пражывае і фарміруе свай ідэнтычнасць. Будучы індывідамі, находяшыміся на перасеченні нескількіх культурных прастранств, мігранты фарміруають

свою идентичность из нескольких культурных источников. Совершив физическое перемещение из одного культурного пространство в другое, они попадают в поле потенциальной гибридности. Принимая непосредственное участие в коммуникативно-дискурсивном процессе, принимая либо отвергая дискурсивные предложения идентичности, мигранты вносят свой вклад в коллективный дискурсивный продукт, формируя тем самым новую оценку и значение, а значит, способствуют трансформации социальной реальности и культуры.

Гибридную идентичность мигрантов следует рассматривать как продукт коммуникативно-дискурсивной природы, вписанный в определенный социокультурный контекст. Она может быть изучена посредством лингвистических методов – категоризации и реконструкции содержания – с привлече-

нием максимального количества контекстов (ситуативный, медийный, социокультурный).

Дискурсивный конструкт «гибридная идентичность мигрантов» имеет иерархическую структуру и формируется на трех уровнях вовлечения индивидов в формирование дискурса мигрантов. На уровне эмоциональных ощущений реализуется дискурсивная метакатегория «Эмоциональное позиционирование». На уровне сознательного выбора реализуется дискурсивная метакатегория «Стратегическое позиционирование». На уровне рефлексии над своей идентичностью реализуется дискурсивная метакатегория «Самоидентификация». Реализация гибридной идентичностью мигрантов осуществляется на всех трех уровнях путем дискурсивного вписывания себя в несколько социокультурных контекстов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ядченко, Е. И. Потенциал Дуйсбургского критического дискурс-анализа в изучении идентичности мигранта / Е. И. Ядченко // Актуальные вопросы филологии, педагогики и психологии. – 2013. – № 1. – С. 137–145.
2. Lexikon Kritische Diskursanalyse. Eine Werkzeugkiste / hg.: S. Jäger, J. Zimmermann. – Münster : Unrast, 2010. – 144 s.
3. Diskurslinguistik nach Foucault : Theorie und Gegenstände / hg.: I. H. Warnke. – Berlin ; New York : Walter de Gruyter, 2007. – 278 s.
4. Link, J. Kleines Begriffslexikon / J. Link // KultuRRevolution. – 1986. – Nr 11. – S. 71.
5. Дейк, Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация : пер. с англ. / Т. А. ван Дейк. – М. : Прогресс, 1989. – 312 с.
6. Siegfried, J. Kritische Diskursanalyse: Eine Einführung / J. Siegfried. – Duisburg : DISS Studien, 2001. – 404 s.
7. Çelik, S. Grenzen und Grenzengänger. Diskursive Positionierungen im Kontext türkischer Einwanderung / S. Çelik. – Münster : Unrast, 2006. – 296 s.
8. Савич, Е. В. Теория контекста применительно к исследованию дискурса / Е. В. Савич // Вестн. Мин. гос. лингв. ун-та. Сер. 1, Филология. – 2010. – № 3 (46). – С. 36–44.
9. Ухванова-Шмыгова, И. Ф. Дискурсивные методики в социологическом исследовании : учеб.-метод. комплекс / И. Ф. Ухванова-Шмыгова. – Минск : БГУ, 2003. – 191 с.
10. Страусс, А. Основы качественного исследования. Обоснованная теория: процедуры и техники / А. Страусс, Дж. Корбин. – М. : УРСС, 2001. – 253 с.
11. Strübing, J. Grounded Theory / J. Strübing. – Wiesbaden : VS Verlag, 2004. – 354 s.
12. Kuckartz, U. Qualitative Datenanalyse computergestützt. Methodische Hintergründe und Beispiele aus der Forschungspraxis / U. Kuckartz, H. Grunenberg, A. Lauterbach. – Wiesbaden : VS Verlag, 2004. – 119 s.

Рукапіс надіслано у редакцію 14.01.2020